

сзда, как об особом народе безумцев (типа анекдотов о шильдбургерах, и т. п.). Именно этот род, по предположению составителя, является потомком древнейших обитателей района низовьев Енисея.

Второй том носит название «Бытовые рассказы энцев». Все они записаны от одного лица — Р. А. Силкина, энца из рода Бай. Первый раздел — «Автобиографические рассказы» открывается замечательным жизненным документом — рассказом Р. А. Силкина о своей жизни. Этот живой, красочный сказ о прошлой жизни энцев содержит огромное число интересных сведений и деталей быта как тундровых, так и лесных энцев, а также ненцев и русских торговцев Енисейского Севера, общую картину социальных взаимоотношений на Севере с конца XIX в. до первых послереволюционных лет. Другие рассказы этого раздела посвящены отдельным сторонам общественной, семейной и религиозной жизни энцев до Октябрьской революции. Это большей частью сюжетные повествования (различные «случаи»), а порой общая характеристика обычаев, по-видимому, в ответ на вопросы этнографа. Силкин дал яркое описание свадебного обряда, брака увозом, брака отработкой, развода, похорон, типов бытового объединения энцев на стойбищах, исключительно реалистическое, колоритное изображение старого суда самодийских князей, «выборов» князя, предвесеннего праздника Мэдодэ, приемов шаманского камлания во время болезни, ворожбы в лесу, охотничьей магии.

Не менее ценный материал содержится и во втором разделе второго тома — «Традиционные рассказы». В них отчетливо выступают различные формы хозяйства энцев (архаическая охота на диких оленей, оленеводство, рыболовство и охота на зайцев и куропаток), характер родовой взаимопомощи и родовой мести, формы принятия в род, взаимоотношения родственников различных категорий, передвижения отдельных родовых групп, социальное расслоение, виды шаманского «призвания», поверья, связанные с колдовством, с духами болезней. Но главным образом описывается уорная борьба энцев за существование в необычайно суровых природных условиях.

Термин «традиционные рассказы» можно, однако, принять только с оговорками. Помещенные в этом разделе тексты весьма близки так называемым автобиографическим рассказам: между ними трудно провести резкую грань. И здесь и там в основном — «сказы» о своей и чужой жизни (сами энцы, как сообщает Б. О. Долгих, употребляют наряду с «дэре» термин «рассказы о жизни»), «случаи», «были», происходившие с родственниками, соседями, ближайшими предками. Не случайно в автобиографии и в этих рассказах часто фигурируют одни и те же лица. Конечно, в них имеется известная нравочительность, отражается кодекс моральных понятий позднеродового общества; однако гипотеза Б. О. Долгих о том, что это особый традиционный жанр поучений для юношества, не представляется достаточно убедительной. В этих сказах, переданных чрезвычайно живым языком, очень ярко проявляется личность рассказчика, его богатый жизненный опыт. Он часто высказывает свое мнение по разным вопросам, сравнивает описываемые случаи или обычаи с другими, позволяет себе небольшие отступления. При этом, рассказы Р. А. Силкина имеют, конечно, и традиционные элементы стиля (например, упоминание, правда редкое, «слов», как живого существа, и некоторые другие приемы ненецких яраб и энецких дэре) и сюжета, как например, смерть всей семьи, кроме одного мальчика, от духа болезни, привлеченного бранью матери по адресу детей, сюжеты шаманского «призвания», поисков вора посредством магической волчьей лапы, мести юноши за отца, и др.

В общем и целом, включение в научный оборот прекрасного собрания фольклора энцев безусловно поможет уточнить и обогатить наши представления о творчестве малых народов Севера и вообще о формах и путях формирования повествовательного искусства.

Е. Мелетинский

А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1962, 119 стр.

В этой небольшой по объему книге поднято много проблем, одинаково важных и для фольклористики и для этнографии.

«Народные сказки о богатырях русского эпоса», которые в литературе принято называть более кратко — «богатырскими сказками», не были предметом специального исследования. Поэтому автору пришлось рассматривать их в самых различных аспектах.

Касаясь генезиса сказок о богатырях, А. М. Астахова указывает, что они могли формироваться тремя путями: это или результат распада песенного текста былины, или, наоборот, близкий сказочный сюжет был некогда заимствован былевым эпосом и легко вернулся в свою природную среду; это может быть также книжное, писательское переложение в форму сказки сюжетов былин, притом нередко контаминированных. Поэтому трудно согласиться с положением А. М. Астаховой, что сказки о том или ином богатыре различаются «сюжетным составом и разным сочетанием использованных сюжетов», только «подвергаясь общему закону вариативности произведений народного поэтического творчества». В свете ее же концепции пестрота обработки сюжетов сказок может являться и результатом различия книжных переработок, в том числе и произвольного контаминирования сюжетов из цикла о данном богатыре.

Для исследования богатырских сказок в историческом плане очень существенно учитывать возможность проникновения в них образов, понятий, терминов из книжных источников позднейшего времени, как это делает автор. Работы А. М. Астаховой о влиянии книги на устный былевой эпос русских знакомы читателям, но в отношении богатырских сказок такое исследование проводится впервые. Учет этого влияния обогащает ученых — историков, археологов, фольклористов — от заманчивых, но не всегда достаточно обоснованных заключений, сделанных путем внешних сопоставлений русского эпоса с летописными и другими письменными памятниками древней Руси, с археологическими данными и пр.

Но А. М. Астахова не отмечает в данной работе того, что богатырские сказки (как и былины) в ряде случаев могли сложиться на основе эпических преданий еще в домонгольский период, причем это могло происходить не только устным путем, но и вследствие проникновения таких преданий в эпос через письменные источники (вспомним, например, хорошо известные летописные предания о Яне Усмошвце, о битве-поединке Мстислава и Редеди и др.). А в последние десятилетия, после находок многочисленных берестяных грамот в Новгороде, надписей ремесленников на сосудах и других бытовых предметах и пр. стало ясно, что грамотность в древней Руси была распространена значительно шире, чем это предполагалось прежде. Автору стоило бы включить в свои изыскания вопрос о заимствованиях сказками сюжетов, мотивов и образов, а также поэтических особенностей из древнерусских письменных произведений.

А. М. Астахова намечает известные закономерности при передаче одного и того же сюжета в форме былины и сказки, считая характерным для сказки исчезновение «исторического приурочения» (стр. 24). «Эта неопределенность времени и места действия, — пишет она, одна из отличительных черт сказочного жанра по сравнению с былинным эпосом — характеризует стиль большинства сказок о былинных богатырях» (стр. 25). В другом месте книги автор развивает ту же мысль, говоря, что в форме сказки «эпические сюжеты... отступали от «эпической историчности», нередко растворялись в авантюрно-занимательном повествовании» (стр. 115). Для сказок, действительно, неопределенность места действия и времени характерна, но поскольку богатырские сказки являются, по существу, периферийным жанром, в них эта особенность проявляется лишь отчасти. В них нередко сохраняется не только пространственное приурочение (Киев, Новгород), но и временное, притом, как и в ряде вариантов былины, это период монгольского завоевания. Так, сам автор приводит следующий мотив сказки: Илья Муромец оскорблен подарком князя, потому что шубка «татарская» (см. стр. 23).

Следует отметить некоторую односторонность представления автора о пути превращения былины в сказку (хотя она допускает возможность обратного процесса), что особенно ярко сказывается в трактовке былины и сказок о Садко. Популярность переложений в сказку былины о Садко и была, видимо, обусловлена распространением сказок, близких к ней по сюжету, именно в пределах бывших новгородских владений. Это сказки о торговле, закладах, общении с подводным царством и больших барышах, полученных от этого рыбаком или купцом. При сложении былины о Садко в средневековом Новгороде, несомненно, были использованы такие сказки. Кстати, и «религиозно-моралистическая тенденция» сказки о Садко в «Библиотечке» Ступина (см. стр. 58) вовсе не чужда этому сюжету. Довод, что богатство — дар божий («Не от нас сила и богатство...»), использовался широко в христианской религии, выдвигался он постоянно и русским купечеством. В классических вариантах былины «избранничество» Садко как причина его чудесного обогащения составляет неотъемлемую часть сюжета. Конечно, советский сказочник, о котором упоминает А. М. Астахова, мог вполне закономерно отбросить эту «тенденцию».

В этнографическом аспекте наиболее важна в рецензируемой книге попытка автора обобщить относительно скудный и отрывочный известный нам материал о бытовании сказок о богатырях русского эпоса у других народов России в XIX — начале XX в., а частично и теперь. В книге приведены примеры этого из устного творчества только украинцев и белорусов, а также народов Европейского Севера и Сибири, но отмечено, что продуктивными могли бы оказаться и поиски таких сюжетов у народов Кавказа, Средней Азии и др. А. М. Астаховой поставлен вопрос и об «отголосках русских былины в сказках зарубежных народов» (стр. 114).

Отмечая некоторую общность в направлении таких переработок русских сказок — легендарный налет, «более значительный отход... от фактического содержания эпоса» (стр. 109), что она объясняет слабым влиянием книги в прошлом и пр., А. М. Астахова пробует выделить определенные локальные, этнографические группы сказок. Так, она указывает на историческую близость карел к русскому населению, что обусловило и наиболее тесную связь их сказок с русскими (стр. 113). Кроме того, А. М. Астаховой прослежен в тех же карельских сказках мотив корчевки Ильей Муромцем хвойного леса и постройки им изгороди из этих стволов вокруг пашни и поля с репой (стр. 86—87), характерный для Европейского Севера. В эвенкийской сказке о том же богатыре автор подчеркивает своеобразные местные черты бытовой обстановки: Илья

доходит до места, где «они стояли стойбищем», и там «видит женщин, которые ташат жерди для чумов» (стр. 112). Так же этнографична и якутская сказка (см. стр. 111) об Илье Муромце, Поповиче и Смерти Тамаровиче (Тугарине) в изложении И. А. Худякова, возможно, впрочем, несколько стилизованном. Автор обобщает эти наблюдения над бытованием русских сказок у «иноязычных» народов: «Сказки порой включают местные мотивы, отражают народные представления и черты быта, иногда даже местную природу, имеют свой художественный стиль» (там же). Однако А. М. Астахова считает преждевременным, из-за недостаточности материала, проследивать включение в заимствованный эпос образов, персонажей и мотивов из фольклора и мифологии данного народа, хотя это представляло бы особый интерес: «В отношении сказок нерусских мог быть освещен и чрезвычайно перспективный в теоретическом плане вопрос о том, как отразилась сама сказочная традиция разных народностей Советского Союза на материале сказок о русских былинных богатырях. Для этого необходимо глубокое знание специфики сказочного жанра в пределах той или иной народности. Желательно, чтобы этот вопрос был поставлен учеными, изучающими сказки определенного народа» (стр. 114).

Между тем, некоторые параллели напрашиваются сами собой, особенно в тех случаях, когда в данной русской сказке сходных образов и ситуаций нет. Таков, например, в эвенкийской сказке об Илье Муромце образ орла — чудесной птицы, уносящей героя в далекие страны (стр. 83); в эвенкийском фольклоре этот образ связан с шаманскими легендами и восходит к духу-помощнику шамана.

Таковы же некоторые мотивы в якутской сказке о том же Илье Муромце. Если в русских сказках семья Ильи занята мирным крестьянским трудом, то в якутской сказке его предки — воители, и он наследует оружие своего деда — знаменитого богатыря, что характерно для родословной героев якутского эпоса. В финской сказке Илья Муромец, получив чудесную силу и пробуя ее, «поднимает горницу выше колена» (стр. 86). Это же делают и коми-пермяцкий богатырь Перя и карельский силач Рахкой Рагнозерский, поднимавший угол избы, чтобы сунуть туда лыжи, а затем обрушивший целую постройку на своих врагов.

Многочисленные легенды народов Севера о священных камнях, иногда связанные с каменными выкладками на местах древних погребений, а иногда — с естественными скоплениями камней, можно соотносить с мотивом сказки народа коми, сложившей на основе сюжета былины о Камском побоище, о двенадцати «реально существующих камнях, в которые превратились богатыри» (стр. 110).

Белорусские сказки приписывают создание огромных рвов и проч. исполинской работе Ильи Муромца; это заставляет вспомнить аналогию, проведенную в исследованиях последнего времени, между русскими былинами о наделенных сверхчеловеческой силой богатырях Илье Муромце и Миккуле Селяниниче и белорусскими преданиями об «осилках» — волотах, великанах¹. В связи с этим отметим, что едва ли мотив чрезмерной силы, которую в несколько приемов убавляют у героя, характерен только для богатырской сказки, — ведь то, что Илью Муромца лишают опасного избытка силы, очень устойчиво держится и в самой былине о его исцелении.

Нам представляется, что при любом охвате материала в разделе о бытовании русских сказок у других народов СССР более целесообразной и плодотворной была бы классификация сказок не по сюжетам, а по группам народов, объединенных хотя бы по языковому признаку (как это сделано автором в одном месте работы).

А. М. Астахова со свойственной ей добросовестностью и пунктуальностью полностью использовала материал не только опубликованный, но и хранящийся в архивах, а также сообщенный ей многочисленными корреспондентами. Ею проделана очень большая и полезная работа не только по учету, но и по классификации сказок.

Количество учтенных сказок все же относительно невелико (115); но автор справедливо указывает, что в действительности они были распространены значительно шире: собиратели былин их «не разыскивали, а если такие сказки встречались, их не записывали», собиратели же сказок интересовались в первую очередь «традиционными классическими сказками» (стр. 7).

К сожалению, профиль издания не позволил автору дать исчерпывающую сводку вариантов, которыми бывают снабжены работы А. М. Астаховой, связанные с публикацией текстов. Хочется пожелать, чтобы в ближайшем будущем были изданы все тексты народных сказок о богатырях русского эпоса с соответствующим научным аппаратом, что позволит углубить работу над ними.

Короткое изложение основных проблем, поднятых (правда, с крайней осторожностью) в новой книге А. М. Астаховой, показывает, насколько ценна рецензируемая работа не только сама по себе, но и как стимул дальнейших изысканий в этой области, к чему призывает фольклористов ее автор.

Р. Лунец

¹ См. статью С. Н. Плужниковой «Образ осилков в белорусских преданиях и сказках», «Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 83.